

ВЛИЯНИЕ КАРАНТИННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА СОСТОЯНИЕ РУССКО-ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ И ТОРГОВОГО СУДОХОДСТВА В КАСПИЙСКОМ БАССЕЙНЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Статья посвящена проблеме влияния эпидемий на состояние русско-восточной торговли и судоходства в бассейне Каспийского моря во второй четверти XVIII в., а также взглядам астраханских губернских властей и практическим шагам, которые предпринимались в Астрахани по облегчению купцам и судовладельцам карантинного режима в целях развития внешней торговли России.

Ключевые слова: восточные страны, внешняя торговля, XVIII век, Астрахань, губернские власти, карантин, торговое судоходство, Каспийское море.

Угроза заноса эпидемии из сопредельных стран в первой половине XVIII в. оказывала значительное влияние на состояние русско-восточной торговли. Наибольший ущерб южным регионам страны нанесла эпидемия 1728-1729 гг. В течение года в Прикаспийском регионе жертвами эпидемии стали 18 тысяч человек. Избежать смерти удалось не более трети жителей губернии [6. С. 254]. Урон, преподнесенный смертоносным заболеванием, оставил неизгладимый урок в памяти астраханцев. Последующие годы свидетельствуют о том, что карантинный режим становится неотъемлемой частью процесса регулирования внешнеторговых связей России со странами Востока. Российские купцы, выезжающие в страны Востока, в обязательном порядке давали письменное обязательство «в тех местах, где опасная болезнь имеется, не ездить, и из тех мест никаких товаров не покупать» и в Россию не вывозить [11. С. 82].

Так, в середине 30-х гг. XVIII в. из Персии и Турции вновь стали поступать тревожные известия о начавшихся в этих странах эпидемиях. Уже в 1734 г. российские власти были озабочены необходимостью принятия мер по противодействию новой эпидемии, начавшейся в Персии [7]. В 1735 г. приезжий из Азова турок сообщил о том, что в турецких городах Керчи, Еникале, Тамани, Аде-Абазах и Черкесах летом того года началась моровая язва. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы 10 декабря 1735 г. правительство России поспешило ввести на Дону карантин для приезжих из Крыма [8. С. 133]. В то же время в Астрахань из Персии поступила информация, что в провинции Ширван и в новой персидской крепости Акеу опять объявилось «моровое поветрие». Даже после того как в 1737 г. астраханский обер-комендант А. Юнгер доложил, что опасности в тех краях больше нет, Сенат указал брандвахтам и

* © Торопицын И.В., 2009

Торопицын Илья Васильевич – кафедра истории России Астраханского государственного университета

заставам, учрежденным от Астраханской канторы над портом, «впредь для предосторожности быть до указа» [9]. Аналогичная ситуация была характерна и для 1740-х гг.

23 сентября 1743 г. Медицинская канцелярия поставила перед правительством вопрос об учреждении на южной границе России постоянной карантинной службы. Она предложила «для лучшей предосторожности от умножающейся в Константинополе поветренной болезни и случающихся прочих нужд» содержать «с жалованьем против армейских» врачей в Малой России и на Дону одного доктора и двух лекарей, а третьего лекаря отправить в Астрахань [10. Л. 289]. Сенат 3 октября поддержал данное предложение.

В дополнение к штатному персоналу карантинных постов для работы на них местными властями привлекались армянские купцы. «Знающие люди» из их числа по указам Астраханской губернской канцелярии посылались на Краснинский остров, где располагалась карантинная застава (район дельты Волги), для осмотра «опаснова и запретнова товару, которого пропускать не велено». Расходы на поездки армянских купцов на карантинные заставы и их пребывание там несла армянская колония Астрахани [12. С. 243]. При необходимости торгующих в Персии армян, состоявших в российском подданстве, привлекало для «разбора» товара российское консульство в Персии, которое также подключило к мероприятиям по обеспечению карантинного режима.

Летом 1744 г. коммерц-коллегия в добавление к инструкции, данной Коллегией иностранных дел консулу в Персии И. Бакунину, указала ему на необходимость «получать всегда точное известие, что не находится ли в каких персидского государства местах или в пограничных той Персии государствах и краях какая прилипчивая моровая болезнь». Консул обязан был регулярно направлять астраханскому губернатору «верные рапорты о здоровье персидского государства правинций и пограничных мест, дабы приходящие оттоле купеческие корабли и суда принуждены не были, когда никакой опасности нет, долго продолжительных и трудных карантинных выдерживать». Без документа, выданного консульством, который бы удостоверял, что все члены экипажа и пассажиры здоровы, а их товары безопасны, никто не имел права сходиться с судна на берег на Четырехбугорной брандвахте [4, С. CCCLXVII-CCCLXVIII].

По информации от дипломатических и торговых агентов пограничные власти России знали, например, что в Персии «никаких добрых учреждений к пресечению моровой заразы не употребляется» [2, С. 121], поэтому вынуждены были перестраховываться. При получении сведений о возникновении эпидемий в соседних государствах из России не только не отпускались суда с товарами, но и задерживались на карантинных заставах и брандвахтах для прохождения карантина суда, купцы и их товары, прибывающие из тех стран в Россию.

Вынужденные санитарно-карантинные мероприятия, проводимые пограничными российскими властями, сдерживали товарооборот и не способствовали развитию внешней торговли. Купцы постоянно жаловались в Астраханский магистрат, что из-за карантинных ограничений их торговые обороты сокращаются. В 1738 г., например, Джульфинская компания обратилась в Сенат с просьбой об освобождении из карантина на Четырехбугорной брандвахте

в Астраханской губернии их товаров, в отношении которых было доказано, что они происходили и были вывезены из тех мест Персии, где не было эпидемий. Магистрат ходатайствовал перед губернской канцелярией о том, чтобы она не задерживала суда, прибывающие из Персии, если там имеется благополучная обстановка [3. С. 384 об.].

Известны факты, когда персидские купцы предлагали взятку российскому консулу в Иране, чтобы он выдал письменное подтверждение того, что их товары были привезены в Гилян задолго до того, как пришло известие о возникновении в отдельных иранских провинциях эпидемий. Как правило, в таких случаях товары, следующие проездом через зараженные территории, не разрешалось ввозить в Россию [4. С. CDVI].

Астраханский губернатор В.Н. Татищев прекрасно понимал возникшую проблему. В октябре 1744 г. в письме к консулу в Персии И.Бакунину он высказал опасение, как бы «за недопущением сюда товара не последовало в пошлинном зборе напрасного ущерба, а людям труда, наипаче же купечеству разорения, от чего не малой государственной ущерб произойти может» [2. С. 121 об.]. И. Бакунин разделял взгляды астраханского губернатора на данную проблему. Российские купцы неоднократно жаловались ему, что «от часто случающегося непропуска сюда в Персию купецких судов», причиной которого являются карантинные ограничения, «приключается великая в промысле их остановка и препятствие» [4. С. CDLXXVII]. В донесении в коммерц-коллегию в январе 1745 г. И. Бакунин отмечал, что Россия из-за введения карантинных мер в прошлом году потеряла таможенных сборов на несколько тысяч рублей.

Вводимые карантинные ограничения сдерживали не только российско-персидскую, но и транзитную торговлю через Россию. Путь от персидских берегов до Астрахани занимал полтора месяца. Но учитывая время, которое товары выдерживались на карантине, купцы утверждали, могли получить их не ранее полугода с момента отправки из Гиляни. В страны же Европы персидский товар попадал спустя полтора года [3. С. 383 об.]. Астраханский губернатор указывал, что по этой причине «шелковый торг ныне уже было генерально в Англию и Голландию чрез Россию довольно основался и в Турецкую землю отпуск знатно умалился, а чрез сей порядок можем паки пользы лишиться...» [5. С. 320].

Проблемы с карантином ощущали и представители английской Русской компании. В 1745 г., например, ее представители в Персии Броун и Бардевик отправили из Гиляни в Астрахань шелк-сырец. Зная, что в Персии нет эпидемии, они рассчитывали, что груз беспрепятственно будет привезен в Астрахань, где его встретит их торговый партнер Георгий Томсон. Поэтому англичане «для присмотра за оным никого не послали». Но прибывший к российским берегам корабль был задержан на карантин. Георгий Томсон, сообщая об этом Астраханской губернской канцелярии, указывал, что в период карантина шелк-сырец, особенно если таи, в которые он уложен, будут «разбивать», может бес присмотра повредиться. Компания понесет от этого немалый убыток [3. С. 387 об.]. Представители английской торговой Русской компании, убеждая астраханские власти освободить их товары от выдерживания в карантине, делали акцент на том, что это транзитный груз, что шелк-сырец, который они вывозят из Персии, где по их сведениям все

благополучно, не предназначен для использования в России, а будет отправлен от Санкт-Петербургского порта в Великобританию.

«И видя купцы, а паче чужестранные такой великой карантин, к тому ж, что товары их привезены из неопасного места, приносят жалобу, что от тяжкого и немалого карантина приходят в великие убытки, а паче несут сами во время осеннее и зимнее от стужи изнурение, чрез что и в пошлинном зборе не малое за препятствием привоза и отпуска товаров уменьшение», – писал к императрице Елизавете Петровне В.Н. Татищев [2. С. 312].

Карантинные мероприятия негативно сказывались и на доходах судовладельцев и общем состоянии кораблестроения в Астрахани. Суда простаивали месяцами на карантине и успевали сделать из Астрахани к персидскому побережью не более одного-двух коммерческих рейсов в год. Вынужденные простои не позволяли судовладельцами извлекать значительной доли доходов от эксплуатации судна, поэтому многие из них стремились перенести свою деятельность на обслуживание грузоперевозок между теми персидскими портами, где подобных карантинных ограничений не существовало.

Российская консульская служба, резиденция которой располагалась в г. Реште (провинция Гилян), внимательно следила за тем, чтобы в Россию не отправлялись грузы, привезенные из тех мест Персии, откуда поступали сведения об эпидемиях. Но при этом возможности консульства были ограничены, и его служащие не имели возможности контролировать все персидские порты, чем и пользовались российские судовладельцы. При этом необходимо отметить, что информация об эпидемиях не всегда была достоверной и часто с течением времени не подтверждалась. Таким образом, торговые корабли теряли драгоценное время, а срок их годности между тем сокращался, что было не выгодно их владельцам.

Астраханский магистрат отмечал в 1745 г., что, следуя указу Петра I, который принуждал купечество заниматься кораблестроением «не токмо волею, но и неволею», в Астрахани стали строить «морские» суда и постепенно здесь сформировался достаточный коммерческий флот, который успешно использовался как для торговых целей, так и для государственных нужд. Однако нахождение судов в карантине негативно отражается на их содержании, к тому же купцы несут неоправданные убытки из-за того, что вынуждены оплачивать карантинные простои своим работникам. Магистрат указывал, что из-за возникших сложностей, связанных с участвовавшими карантинными мероприятиями, многие судовладельцы могут разориться и перестанут строить новые корабли. Это повлечет за собой сокращение «казенных сборов» с продажи судостроительных припасов и материалов, приведет к падению грузооборота в Волго-Каспийском бассейне, в том числе по линии «казенных нужд», так как на судах, арендуемых у астраханских купцов, осуществлялись перевозки войск, различных военных припасов и т.д. [3. С. 384 об.].

В 40-х гг. XVIII в. власти Астраханской губернии выступили за пересмотр практики применения карантинных мер и активно поддержали интересы астраханских судовладельцев. В.Н. Татищев подчеркнул в письме к Елизавете Петровне, что инициатором астраханского судостроения был Петр I. При этом он подчеркнул, что судовладельцы несут неоправданные убытки из-за чрезмерных карантинных ограничений и многие уже «не токмо прибытка полу-

чить, но не могут их (корабли. – *И.Т.*) содержать». Сохранение потенциала российского судостроения на Каспии отвечает интересам государства, полагал астраханский губернатор, так как «по распространению здесь судов в случае нужды могут в помось казенным судам употреблены быть и от того казенного убытка не будет». «Если же купеческим судам в персидских пристанях перевоз запретить, – подчеркнул В.Н. Татищев, – то астраханские купцы, которые судами промышлять могут, прибытка своего лишатся и судов строить не будут» [2. С 317-317об.].

В мае 1745 г. Астраханская губернская канцелярия приняла решение установить разный режим прохождения карантина для людей и товаров, прибывающих из Персии, в зависимости от санитарно-эпидемиологического состояния в регионах. Астраханский губернатор определил пропускать в Россию товары, которые привозились из мест, где не было эпидемий, после четырех недель нахождения в карантине, а те, в отношении которых было подозрение, что они привезены из неблагополучных районов Персии, подлежали выдерживанию полного карантина [1. С 607-607об.]. Людей и их товары приказано было размещать на карантин в разных помещениях, «не сообщая с прочими, прибывшими из неопасных мест». Так поступили, например, с экипажем и грузом, прибывшим из Гиляна на корабле английской Русской компании. Соответствующие указы были направлены в Астраханскую контору над портом и к находящемуся на Красинском острове «у содержания карантина» капитану Тамисчеву, а также к главному лекарю Пундту и к коменданту в Кизляр [13. Л. 88]. Была также усовершенствована система выветривания товаров на карантинной брандвахте, приняты меры для обеспечения сохранности товаров от непогоды и т.д.

В конце 1740-х гг. при губернаторе И.А. Брылкине время, проведенное кораблем или караваном в пути, стало засчитываться в срок прохождения карантина, как того требовал Морской регламент или устав. В итоге меры, предпринятые астраханскими властями в 1740-х гг., помогли облегчить положение купцов и устранить влияние карантинного фактора на русско-восточную торговлю.

Библиографический список

1. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Ч. III. 1745 г.
2. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 доп. Д. 44.
3. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1087.
4. Ульяницкий, В.А. Русския консульства за границею в XVIII веке / В.А. Ульяницкий. – М., 1899. – Ч. II.
5. Юхт, А.И. Письма В.Н. Татищева 1742-1745 гг. / А.И. Юхт // Исторические записки. – М., 1979. – Т. 104.
6. Саввинский, И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ея существования (1602 по 1902 годы) / И. Саввинский. – Астрахань, 1903.
7. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 521.
8. Лишин, А.А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным / А.А. Лишин. – Новочеркасск, 1894. – Т. II. Ч. I.

9. ПСЗ. Т. X. – № 7299.
10. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 871.
11. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. – М.: Наука, 1988.
12. Русско-индийские отношения в XVIII в. – М.: Наука, 1965.
13. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1046.

I.V. Toropitsyn

**THE INFLUENCE OF QUARANTINE MEASURES ON RUSSIAN-EASTERN
TRADE AND COMMERCIAL NAVIGATION IN THE CASPIAN BASIN
IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY**

The article dwells upon the influence of epidemics on the state of Russian-Oriental trade and commercial navigation in the Caspian basin in the second quarter of the XVIIIth century as well as on the judgment of Astrakhan guberniya authorities and practical steps made in Astrakhan to facilitate quarantine for merchants and ship owners in order to develop Russian foreign trade.

Key words: eastern countries, foreign commerce, XVIII century, Astrakhan, region government, quarantine, merchant shipping, Caspian Sea.